

*Вадим
Кучеренко*

ВРЕМЯ УМИРАТЬ

18+

Вадим Кучеренко

Время умирать

«Автор»

2014

Кучеренко В. И.

Время умирать / В. И. Кучеренко — «Автор», 2014

Его считали погибшим во время секретной операции по ликвидации лидера чеченских боевиков, но он выжил почти чудом. А когда вернулся домой, то понял, что смерть – не самое страшное, что может случиться с человеком... Читайте новую увлекательную пьесу Вадима Кучеренко «Время умирать»!

© Кучеренко В. И., 2014

© Автор, 2014

Содержание

ДЕЙСТВИЕ 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вадим Кучеренко

Время умирать

Действующие лица:

Гутов Роман (он же Виктор Суковатов), бывший военнослужащий.

Марина, его жена.

Руфина, главный редактор издательства.

Алла, секретарь-референт.

Улетова Елена, писатель детективных романов.

Пронин Олег, литературный агент.

Выковский Аркадий, врач-психиатр.

1-й врач из средних веков.

2-й врач из средних веков.

3-й врач из средних веков

Аслан Джахоев, лидер чеченских боевиков.

1-й боевик.

2-й боевик.

3-й боевик.

Официантка.

А также пациенты и санитары в психиатрической клинике, боевики-ваххабиты, посетители летнего кафе без слов.

ДЕЙСТВИЕ 1

Картина 1

Частная психиатрическая клиника. Кабинет Выковского. Все говорит о привычке хозяина кабинета к уюту и роскоши. Несколько больших мягких удобных кресел, диван, столик с кофейным и чайным приборами. Стол, за которым сидит врач, напоминает письменный лишь тем, что на нем размещаются лампа с зеленым абажуром, старинный телефонный аппарат и монитор. Впечатление от общей картины портит только массивная стальная решетка на окне. За столом, спиной к окну, утопая в огромном кресле, сидит Аркадий Выковский. Он в белом докторском халате, накинутом на модный дорогой костюм. Открывается дверь. Входит Роман Гутов, в старом свитере и потертых джинсах.

Гутов. Разрешите войти, доктор?

Выковский. А, это опять вы! Если мне не изменяет память, по поводу пациентки из седьмой палаты?

Гутов. Да, меня волну... интересуется ее состояние.

Выковский. (Встает и начинает ходить по кабинету, заложив руки за спину, произнося слова так, как будто читает лекцию студентам). Ничем не могу вас порадовать, молодой человек. Как я уже говорил вам неоднократно, состояние пациентки стабильно тяжелое, маниакально-депрессивное. Периоды полного безразличия к окружающей действительности сменяются буйными припадками. И подобные вспышки становятся все чаще.

Гутов. Что это значит, доктор?

Выковский. (Через паузу, неохотно). Вынужден признать, что выбранное нами лечение не приводит к желаемым результатам. Скорее, наоборот. Впрочем, что и ожидать от элементарной лекарственной терапии в условиях изоляции пациента от внешнего мира? Нет, здесь нужны другие, более радикальные, методы.

Гутов. Какие, доктор?

Выковский. Я считаю, что наряду с химиотерапией пришло время применить электрошок. У пациентки налицо все признаки, при которых рекомендуется данное средство: чрезмерное возбуждение, агрессивность, деструктивные тенденции... Это, конечно, несколько болезненная процедура, но эффективная.

Гутов. Болезненная?! (Почти падает в одно из кресел и в отчаянии обхватывает голову руками).

Выковский. (Он будто дискутирует с невидимым оппонентом, отстаивая свою научную точку зрения, и не замечает реакции собеседника.). Вы делаете акцент не на том слове, коллега. Достижимый эффект – вот что должно нас интересовать. Как правило, уже после нескольких сеансов электрошока у больных шизофренией прекращается болезненный бред. Они выходят из состояния глубокой депрессии, прекращают думать о самоубийстве. Правда, в данном случае есть одно «но»...

Гутов. О чем вы, доктор?

Выковский. Ситуация осложняется тем, что наша пациентка уже считает себя мертвой. Человеческий мозг – это та еще terra incognita!

Гутов. Но ведь есть периоды просветления, доктор! Вы сказали. И разве это не внушает вам надежду?

Выковский. (Почти насмешливо). Надежду? На что, молодой человек? Судите сами. У женщины погиб муж, умер ребенок. И она, будучи живой, считает, что умерла вместе с ними.

Гутов. (Тихо). Но почему?

Воковский. Но ведь это же ясно, коллега – чтобы не разлучаться с близкими людьми. Некоторым, знаете ли, лучше умереть, чем продолжать жить, когда их родные люди отошли в мир иной.

Гутов. Знаю. Даже очень хорошо.

Выковский. Так вот, наша пациентка – как ей самой кажется, – тоже умерла. Но в загробном мире, где женщина, по ее мнению, оказалась, она не может встретить мужа и дочь. Она бродит во мраке, зовет их, но никто не откликается. И от этого ее психическое состояние только ухудшается. Образно говоря, с каждым днем она все глубже погружается в шизофрению... Что с вами? Вам плохо?

Гутов. Немного закружилась голова. Спал плохо. Уже прошло. Продолжайте, доктор, прошу вас.

Выковский. Вам бы не мешало пройти курс профилактической терапии в нашей клинике. Настоятельно рекомендую. Бессонницу как рукой...

Гутов. Доктор! Сейчас речь не обо мне.

Выковский. Впрочем, простите, о чем это я? Да, так вот, в короткие периоды просветления, как вы их называете, женщина осознает, что жива. Но поскольку ее ребенок и муж действительно мертвы, она хочет умереть тоже. В некотором смысле, мрак, в который погружено ее сознание, для нее спасителен. Только находясь в этом мраке, пациентка не думает о самоубийстве, поскольку она и без того уже на том свете. Просветления сознания чреваты для нее попытками уйти из жизни. И какую, по-вашему, все это должно внушать надежду лечащему врачу?

Гутов. Вы считаете, что электрошок поможет?

Выковский. (Возвращается в свое кресло за письменным столом, садится, словно пытаюсь спрятаться за монитором от взгляда собеседника). Увы, не факт. Мы, врачи, не боги, к сожалению. Иногда даже после электрошока состояние больного продолжает прогрессивно ухудшаться. Тогда остается последнее средство...

Гутов. О чем это вы, доктор?! Неужели вы предлагаете...

Высоковский. Что вы, что вы, я совсем не о том! Я имел в виду префронтальную лоботомию. Но мне хочется верить, что до этого не дойдет.

Гутов. Боюсь даже спросить, почему.

Выковский. И вы совершенно правы. При подобных операциях на мозге умирает каждый десятый пациент. Это официально признанная статистика. Остальные превращаются в комнатные растения, за которыми нужен постоянный уход.

Гутов. И это все, на что способна современная психиатрия?!

Свет медленно гаснет. Вспыхивают прожекторы и выхватывают из темноты часть сцены, где появляются несколько человек в серых, до пят, смиренных рубашках, с завязанными за спиной длинными рукавами. По всему видно, что это сумасшедшие. Кто-то бесцельно ходит по сцене, натываясь на стены и предметы, другой пытается ловить несуществующих бабочек, третий отбивается от невидимых противников и т.д. Входят трое, с креслом-каталкой, одетые в просторные черные балахоны, в которых в средние века ходили врачи. У них в руках хирургические инструменты того времени: нож, пила, молоток и т.п. Увидев их, больные в страхе разбегаются и жмутся к стенам.

1-й врач. Вы согласны со мной, многоуважаемые коллеги, что ситуация безвыходная?

2-й врач. Не могу возразить, уважаемый мэтр. Пациенту не помогли ни избивание кнутом, ни кровопускание, ни вызывание у него рвоты, ни кормление щитовидными железами

овец, ни длительное погружение в ванну с ледяной водой. Остается лишь уповать на милость Господа нашего, либо на нас, недостойных слуг его.

3-й врач. Как просвещенный человек, живущий в семнадцатом веке, заявляю – только трепанация, последнее достижение современной медицины! Через это отверстие в черепе беднягу покинут демоны. И он исцелится.

2-й врач. (Крестится). Если так будет угодно Богу, не забывайте.

1-й врач. Так приступим, коллеги?

3-й врач. Приступим во славу науки.

2-й врач. С божией помощью!

Врачи выбирают из толпы одного из пациентов, насильно усаживают его в кресло-каталку, привязывают и склоняются над ним, закрывая спинами от зрителей. Начинается хирургическая операция. Слышен душераздирающий крик, после чего прожекторы гаснут. Загорается обычный свет.

Высоковский. (Отвечая на последнюю реплику собеседника). Слышу в вашем тоне сарказм! И в чем-то даже разделяю его. Видите ли, молодой человек, психирургия существует уже не одно столетие. В средние века у больных шизофренией пилой вырезали отверстия в черепе, давая выход демонам, сводящим их с ума...

Гутов. И помогало?

Выковский. Хм-м... Результат, сами понимаете, был непредсказуем. С тех пор было перепробовано много разного. Сумасшествие пытались излечить кнутом, пускали у пациентов кровь, разрушали им лобные доли головного мозга. Всего и не перечешишь. (Достает из стола книгу, раскрывает). Так вот, как-то один всемирно известный психиатр, Роберт Уайтгэкер, заметил (читает): «Все эти «терапии» какое-то время «работали»; затем изобреталось что-то новое, их неожиданно рассматривали в новом свете и обнаруживали недостатки». Что же вы хотите от меня при таком раскладе?

Гутов. Вероятно, чуда.

Выковский. Тогда это к нему. (Показывает пальцем в небо за зарешеченным окном). Не ко мне, созданному по его образу и подобию, но лишенному его могущества.

Гутов. У него я уже был. Он меня не принял... Хорошо, я согласен на электрошок. С лоботомией, я думаю, спешить не стоит.

Выковский. Как вам будет угодно. Но... Есть одно обстоятельство...

Гутов. Говорите откровенно, доктор. Мне нужна правда и только правда.

Выковский. Свою жизнь посвящаю истине, повторю я вслед за Ювеналом и Жан-Жаком Руссо. Поэтому не скрою от вас горькую правду наших дней. И префронтальная лоботомия, и электрошок, и химиотерапия – это все дорогостоящие операции и процедуры.

Гутов. (С горечью). Да уж, ваша клиника не из дешевых.

Выковский. Увы, увy! Но ведь это частная клиника, молодой человек. Именно поэтому наши больные иногда излечиваются. И в этом главное отличие нашей клиники от государственных, бесплатных... Так у вас есть возможность? (Делает выразительный жест пальцами).

Гутов. Это вы о деньгах?... Они будут.

Выковский. Будут? Хм-м... (Прячет книгу и снова скрывается за монитором). На том и порешим, молодой человек. Как только вы внесете необходимую сумму в кассу нашей клиники, мы незамедлительно приступим к лечению электрошоком вашей... протезе.

Гутов. Хорошо. До свидания! (Доходит до двери и неожиданно возвращается). Доктор!

Выковский. (Поднимает голову от монитора). А, вы еще здесь? Да, я слушаю.

Гутов. Я могу увидеть... Марину?

Выковский. Вообще-то я против. И дело даже не в пациентке, а в вашей собственной психике. Предупреждаю, впечатление может быть ужасным.

Гутов. Не беспокойтесь, доктор, обо мне. Прошу вас.

Выковский. Ну, хорошо, хорошо, сейчас я приведу пациентку. Но ваше свидание должно продлиться не более пяти минут. Запомните это.

Гутов. Так точно.

Выковский. Если хотите, я могу сделать ей укол. На какое-то время ее сознание просветлеет.

Гутов. А потом?

Выковский. Потом ей станет плохо. Намного хуже, чем было.

Гутов. Тогда не надо.

Выковский выходит.

Гутов. (Ходит по кабинету и отрывисто говорит, словно рассуждает сам с собою). Деньги, деньги... Где же их взять? Будь ты проклят, презренный металл! В киллеры, что ли, податься, в самом деле? Говорят, им неплохо платят. Или ты, капитан, можешь убивать только за идею, то есть даром?

Входит Выковский, держа за руку Марину. Женщина безучастна ко всему, двигается, словно марионетка.

Гутов. (Взволнованно). Здравствуй, Марина!

Женщина бросает на него равнодушный взгляд и кивает в ответ, не проронив ни слова.

Выковский. Она не может узнать вас. Ее мозг во мраке. Смиритесь с этим.

Выковский уходит. Гутов пытается взять женщину за руку, но та отстраняется, не выказывая никаких чувств.

Гутов. Марина, ты действительно не помнишь меня?

Марина. Нет. Мы с вами встречались? Наверное, это было в те дни, когда я еще была жива. Давно. Поэтому я не помню. А когда умерли вы?

Гутов. Я? В последний раз тоже очень давно.

Марина. Послушайте, незнакомец... Вы не встречали здесь мужчину и ребенка? Мужчина с вас ростом, а девочка... Она совсем крошечная. Это мой муж и моя дочь.

Гутов. Я... Я их не видел.

Марина. Слишком много вокруг людей. И все они мертвы. Взгляните им в глаза и сами это увидите.

Гутов. Марина... Тебе плохо здесь?

Марина. А вам?

Гутов. Если хочешь, я заберу тебя отсюда.

Марина. А что мне скажет мой муж, когда найдет меня? Вы не должны мне этого предлагать... Вы почему-то вызываете у меня доверие... Но – нет! Нет! Нет!

Гутов. Хорошо, не буду.

Марина. Знаете, мой муж и моя дочурка... Они ведь тоже умерли. Почему все умирают?

Гутов. Я не знаю.

Марина. Но если вы их случайно встретите... Я могу вас попросить об одном одолжении?
Гутов. Разумеется.

Марина. Скажите им, что я их очень люблю. И никогда не перестану ждать.

Гутов. (Кладет руки ей на плечи, пытаюсь заглянуть в глаза). Марина, посмотри на меня!

Марина. Вы делаете мне больно. Отпустите! Или я пожалуюсь мужу. Предупреждаю, ему это не понравится.

Гутов. Прости. Так ты совсем не узнаешь меня?

Марина. (Всматривается в него). Мне кажется, я начинаю вспоминать.

Гутов. Марина! Прошу тебя!

Марина. Да, я вспомнила. Это ты. Это из-за тебя я умерла.

Гутов. Что ты говоришь, Марина! Пожалей меня!

Марина. Сначала умер мой муж. Потом моя дочь. Потом я. Зачем ты убил нас? Говори, зачем? Что мы тебе сделали?

Марина набрасывается на Гутова и пытается его задушить. Тот не сопротивляется. На крик вбегает Выковский и хватает женщину за руки.

Марина. (Вырываясь). Скажи, где мой муж? Где моя дочь? Что ты с ними сделал? Что тебе надо от нас? Почему ты преследуешь меня? Это из-за тебя я не могу их найти? Я ненавижу тебя!

Выковский. Уходите немедленно! Я не смогу ее долго удерживать. Сейчас придут санитары, и вам лучше не видеть, что будет потом. Да уходите же, дьявол бы вас побрал!

Вбегают санитары. Они надевают на Марину смирительную рубаху. Женщина кричит, рыдает, дико смеется, и все это одновременно. Гутов уходит, закрыв лицо руками. Гаснет свет.

Картина 2

Кабинет главного редактора книжного издательства, расположенного в многоэтажном здании. Огромное, во всю стену, панорамное окно, в которое видны городские улицы и здания в туманной дымке. Вдоль стен – однообразные полки с книгами, от пола до потолка. В кабинете царит хаос, который при желании можно принять за деловой беспорядок. Из мебели лишь письменный стол и несколько неудобных офисных кресел. На краю стола, заваленного книгами и бумагами, сидит, покачивая ногой в такт своим мыслям, Руфина. В одной руке у нее чашка с чаем, в другой раскрытая книга, которую она бегло просматривает. Входит Алла.

Алла. Руфина Ильинична! К вам посетитель.

Руфина. (Не отрываясь от книги). Кто?

Алла. Мужчина.

Руфина. И...?

Алла. И все.

Руфина. То есть это не губернатор? Не депутат? И даже не твой очередной любовник?

Алла. Отвечаю по мере поступления вопросов. Нет, нет и.. пока еще нет.

Руфина. Я, кажется, просила не беспокоить меня по пустякам.

Алла. Это не пустяки. Вы должны его принять.

Руфина. (От изумления проливает чай из чашки на страницу книги). Должна?! Я?! А, чтоб тебя, авторский экземпляр испортила!.. Это еще почему – должна?

Алла. Потому... Потому что я его боюсь. Вы бы видели, какие у него глаза! У меня даже мурашки по коже от его взгляда побежали. Поверьте мне, это что-то с чем-то!

Руфина. Со своими мурашками справляйся сама А с ним... Вызови охранника. И пусть его выведут, если он не захочет уйти по-хорошему.

Алла. Будет только хуже, поверьте мне.

Руфина. Это как?

Алла. А скажите мне, как он сюда прошел, и почему охрана его не остановила? Пропуск я ему не выписывала. Но вы же знаете, в наше издательство без пропуска даже мышь не проскочит. Нет, Руфина Ильинична, этого мужчину вам лучше принять. Помните, что в «Мастере и Маргарите» произошло с чиновником, который отказался разговаривать с Коровьевым и Бегемотом?!

Руфина. Что за чушь ты несешь, Алла! И почему я тебя слушаю, сама не понимаю.

Алла. Потому что доверяете моей женской интуиции.

Руфина. Размечталась не по теме, дрянная девчонка. (Подходит к окну, но смотрит не наружу, а на свое отражение, машинально поправляя прическу). Что этот твой черт из табакерки хочет от меня, ты хотя бы узнала?

Алла. А то! Принес какие-то мемуары. Вот такой толстенный пакет! (Показывает, положив ладонь на плечевой сгиб другой руки). Трясется над ним, как будто там не бумаги, а миллион долларов.

Руфина. Так пусть передаст свой драгоценный пакет в отдел документальной прозы.

Алла. Он говорит, только вам. Лично в руки. По его словам, это очень ценная рукопись.

Руфина. Все ясно. Еще один непризнанный гений с гипертрофированной манией величия. Что-то в этом году рановато. Осень еще не началась.

Алла. Руфина Ильинична, поговорите с ним, умоляю вас! Ну, что вам стоит?

Руфина. Стоит, и очень дорого. Это твоему времени цена грош ломаный, а мое на вес золота.

Алла. Ну, хотите, я на колени встану?! Руфиночка Ильинична, золотая моя, бесценная, умоляю! Все равно через полчаса у вас встреча с Еленой Улетовой. А ему хватит и пары минут. До или после.

Руфина. Только не после. Ты же знаешь, после общения с самой великой писательницей нашей современности мне требуется полдня на то, чтобы прийти в себя. О, Бог мой! За что мне все это?

Алла. Я точно не знаю, но, возможно, за грехи ваши, Руфина Ильинична.

Руфина. Странно, что я тебя до сих пор не уволила. Будем надеяться, на небесах мне это зачтется.

Алла. Так вы его примите по-хорошему? Или мне все-таки коленопреклониться? (Делает вид, что собирается опуститься на колени).

Руфина. Ладно, ладно, только не дури! Единственно за-ради того, чтобы увидеть мужчину, который произвел на тебя такое впечатление.

Алла. И вы не пожалеете, обещаю.

Руфина. Но предупреди его – только две минуты. И ни секундой больше.

Алла. Как прикажете, Руфина Ильинична. Вы – босс!

Алла выходит.

Руфина. Иногда я очень в этом сомневаюсь. Эта девчонка вертит мной, как хочет. Да и все они тоже. За кого они меня принимают, хотела бы я знать?

Руфина отходит от окна и садится за письменный стол, раздраженным движением сбросив на пол лежавшую в ее кресле стопку книг. Входит Гутов. Он держит в руках толстый пакет, завернутый в газету.

Гутов. Добрый день, Руфина Ильинична! Меня зовут...

Руфина. Давайте обойдемся без долгих предисловий. У меня очень мало времени. Где ваша гениальная рукопись?

Гутов. В этом пакете. Здесь же электронный вариант на флэшке.

Руфина. Знаете что? Отдайте все это моему секретарю. И оставьте Алле свой контактный телефон. С вами свяжутся месяца через три-четыре. Раньше не получится. Вы должны это понимать. До свиданья...

Гутов. Так не пойдет.

Руфина. Вот и хо... То есть как это – не пойдет?!

Гутов. (Садится на тот же самый край стола, где до этого сидела Руфина, наклоняется к ней и пристально смотрит в глаза). Я вступил на этот скорбный путь полгода тому назад. Пришел в отдел документальной прозы. И за все это время не продвинулся ни на шаг.

Руфина. И что вам говорит редактор отдела?

Гутов. Рецензент, которому он передал рукопись, даже не начал ее читать. Вот уже полгода мне твердят, что издательство завалено предложениями других авторов. Среди них много известных и талантливых. Но даже они ждут своей очереди.

Руфина. Так оно и есть.

Гутов. (С насмешкой). Слишком банальная причина для отказа. Вы, как главный редактор, могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. На это ума у вас должно бы хватить.

Руфина. (Возмущенно). Да как вы со мной разговариваете!

Гутов. А вы?

Руфина. Что – я?

Гутов. Как вы можете отмахиваться от книги, которую я вам предлагаю, даже не узнав, о чем она? Ведь вы не только очень красивая женщина, Руфина Ильинична. Вы еще и умная женщина, насколько мне известно.

Руфина. (Уже другим тоном). Вы мне пытаетесь льстить?

Гутов. Однако сейчас вы не разумны, по меньшей мере.

Руфина. Я разочаровала вас при более близком знакомстве? Жаль.

Гутов. Видите ли, я привык судить о людях по их поступкам, а не по кабинету, который они занимают. Можете считать это узостью мышления бывшего офицера. (Встает, оглядывается и, найдя то, что искал, пересаживается в одно из немногих кресел, свободное от бумаг). Впрочем, и кабинет иногда красноречиво говорит о многом.

Руфина. (Несколько смущенно). Да, у меня не очень-то уютно. Знаете ли, работа отнимает все время, некогда быть женщиной... Так вы военный?

Гутов. Полковник в отставке.

Руфина. А ваша книга... Она, конечно, о службе в армии и тому подобном?

Гутов. Мне показалось, или вы произнесли слово «армия» с некоторым презрением в голосе?

Руфина. Вам показалось. Я очень хорошо отношусь к нашей российской армии в целом. И к отдельным ее представителям в частности. Среди моих друзей даже есть один генерал. Боевой, между прочим, генерал. Прошел несколько «горячих точек». Был ранен, имеет награды. И очень добрый и мудрый человек, по моему мнению.

Гутов. Тогда отдайте эту рукопись своему другу-генералу. И положитесь на его мнение. Как он скажет, так и будет.

Руфина. А не боитесь? Вдруг ему не понравится?

Гутов. Я боюсь только измены и предательства. А ваш друг, если он настоящий боевой генерал, заинтересуется этой книгой, поверьте. И посоветует вам ее опубликовать.

Руфина. Откуда такая уверенность? Рассчитываете на армейскую солидарность?

Гутов. Боевое братство. Слыхали о таком?

Руфина. Но для издания книги никому не известного автора этого недостаточно. Он должен быть талантлив, во-первых...

Гутов. Ваше издательство осчастливило страну детективами Елены Улетовой. Вы хотите меня уверить, что она – талантливая писательница?!

Руфина. Тем не менее, ее книги раскупают.

Гутов. Потому что читателям не предлагают ничего другого. На безрыбье и рак рыба, как известно. На мой взгляд, ее книги невыносимо скучны. Герои надуманы и пошловаты, сюжет вял, действие затянуто. Мне продолжать?

Руфина. В книге, которую вы мне предлагаете, разумеется, все иначе?

Гутов. Возможно, вы слышали о том, как российскими спецслужбами был уничтожен лидер чеченских сепаратистов Аслан Джохоев?

Руфина. Признаться, я мало интересуюсь политикой и войной.

Гутов. Ждете, пока они придут в ваш дом?

Руфина. Бог милостив... Так о чем вы хотели мне поведать?

Гутов. Двадцать первого апреля одна тысяча девятьсот девяносто шестого года ракетой, выпущенной с российского самолета-бомбардировщика СУ-24, Аслану Джохоеву снесло полчерепа. Его ликвидация считается самой успешной операцией наших спецслужб за все время войны на Северном Кавказе.

Руфина. Ох, как давно это было! Если мне не изменяет память, Аслан Джохоев – это один из тех, кто провозгласил великую республику Ичкерия и объявил войну России?

Гутов. Один из них. Кстати, звание генерала ему присвоили в российской армии. Он был герой афганской войны.

Руфина. Пожалуй, для народа, который только за полвека до этого обрел свою письменность, война с Россией – это было несколько необдуманное решение. Вы не находите?

Гутов. Ваххабизму, который стал знаменем Ичкерии, несколько веков. Война с неверными – одно из его основных положений. Но сейчас речь о другом. Когда огромная Россия основательно увязла в войне с крошечной Чечней, нашим спецслужбам был отдан приказ о физическом устранении Аслана Джохоева.

Свет медленно гаснет. Вспыхнувшие прожекторы выхватывают из темноты часть сцены, где несколько человек в камуфляже без погон рассматривают карту, разложенную на импровизированном столе из ящиков из-под мин. Все они с бородами, по которым в них можно узнать ваххабитов.

Джохоев. И кто отдал российским спецслужбам приказ о моем уничтожении?

1-й боевик. Президент России, Аслан. Отныне он твой личный враг. Так он сам себя назвал. Он считает себя опозоренным в глазах мирового сообщества тем, что ты не желаешь покориться ему.

Джохоев. Покориться? Лучше умереть.

3-й боевик. Но ведь ты, Аслан был готов встретиться с ним, помнишь? И принять любые его условия. Лишь бы не начинать эту войну, губительную для чеченского народа.

Джохоев. Помню. Я даже сшил себе тогда новый генеральский мундир... Однако все сорвалось. За несколько дней до нашей встречи Грозный осадила российская армия. Почему, кто мне ответит?

2-й боевик. Вероятно, кому-то из окружения президента России хотелось нагреть руки на войне с великой Ичкерией. И им это удалось.

3-й боевик. Не беспокойся, Аслан, брат мой. Мы не допустим, чтобы кто-то подобрался к тебе на расстояние выстрела или удара ножом.

Джахоев. Говоришь, не беспокоиться? (Подходит к нему). Вот он и он (показывает на 1-го и 2-го боевиков) мои родичи. Они не предадут меня даже под угрозой смерти. Но я сомневаюсь в тебе. Смотри мне в лицо, как подобает мужчине! Почему твои глаза бегают, словно трусливые шакалы? Предатель!

3-й боевик пытается выхватить оружие, но остальные набрасываются на него и выкручивают руки. В комнату вбегают еще двое боевиков. Они избивают, а затем уводят мужчину. Доносится автоматная очередь.

1-й боевик. Еще один неверный отошел к своим предкам.

2-й боевик. И когда российским спецслужбам надоест подсылать к нашему Аслану наемных убийц? За те деньги, что они потратили на своих гяуров, можно было бы вооружить целый десантный полк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.